

Павел Баулин

РОДНИКОВЫЕ ДНИ

Павел
Баулин

РОДНИКОВЫЕ ДНИ

Стихи

Днепропетровск
„Промінь“ 1980

P2

Б 29

Первая книга стихов запорожского поэта посвящена романтике поиска молодым современником активной жизненной позиции, своей «линии огня». Характеру юных созидателей сегодняшнего дня присущи беззаветная преданность идеалам отцов, взволнованная влюбленность в просторы родной земли, готовность посвятить себя борьбе за торжество лучших человеческих устремлений.

Б $\frac{70402-008}{M219(04)-80}$ 42-80 4702010200

© Издательство «Промінь», 1980.

РОДНИК

Он камни грыз,
буравил землю
и к солнцу рвался птичьей трелью.
И сушь пустынную бесила
его неубывающая сила.

Лишь тот,
кто пересохшими губами
хоть раз к нему, студеному, приник,
узнал,
за что его назвали,
как Родину,
так ласково —
родник.

ЯБЛОНЬКА-ГАГАРИНКА

А в рабочем поселке
сады уже зацветают.
Лепестковое пламя
и дым аромата над ним.
Я иду, я спешу
в незнакомый пока переулок,
чтоб на звездную яблоньку,
на гагаринку-яблоньку
посмотреть.

Неспроста это дерево
так называют.
В ту весну,
когда Юрий Гагарин
витком своим землю обнял,
пожилой фронтовик
посадил эту стройную яблоньку
посвящением полету
космонавта номер один.

Годы шли
и витками колец отмечались
на стволе ее,
на стволе ее молодом.

Так ложилась морщина
на лицо Королева
с каждым новым
и каждым
таким беспокойным витком.
И уже длиннокозой девчонкой,
по-гагарински к солнцу

все веточки устремив,
ах, гагаринка-яблонька,
принесла свои первые звезды,—
свои первые яблоки
уронила украдкой в траву.

Как хотелось тебе,
целомудренно как хотелось,
чтобы первый твой плод,
что как первая в жизни любовь,
был ему — и далекому,
и родному,
был ему — человеку, чьим именем
ты назвалась.

Только нет,
не успеть тебе с первой любовью,
не успеть тебе с вечной любовью к нему.
Нет Гагарина! —
И летят на ветру твои ветви.
Есть Гагарин! —
И гагаринка-яблонька есть.

А в рабочем поселке
сады уже зацветают.
Лепестковое пламя
и дым аромата над ним.
Я иду, я спешу
в этот памятный переулок,
чтоб на звездную яблоньку,
на гагаринку-яблоньку
посмотреть.

Здравствуй, яблонька!
Ты весной стоишь, как невеста.
На орбитах твоих,
словно спутники, пчелы жужжат.

Но приходит пора —
и горячие яблоки
ловят мальчишки
и гагаринским взглядом
в невесомое небо глядят.

МАРТ В ЗАПОРОЖЬЕ

По проспекту Metallургов
Разливаются ручьи.
По проспекту Metallургов
Ходят важные грачи.

Как птенцы, твои тюльпаны,
Не жар-птице ли сродни?
Сквозь скорлупку целлофана
К нам проклюнулись они.

На пустых дорожках парка
Мы оставим
Первый след,
Ведь молоденькая травка
Нам зажгла зеленый свет.

И под звон капли острой
Звонче небо,
Звонче шаг.
Вот лежит былинный остров
На днепровских рушниках.

...Вечерет.
Блекнут дали.
Вербы веточка в руке.
И огни «Запорожстали»
Отражаются в реке.

МАТРОСЫ КРЕЙСЕРА «АВРОРА»

И встанут,
Гордые, как горы,
В нетленном зареве побед
Матросы крейсера «Аврора»,
Матросы легендарных лет.

Когда они
В октябрьский вечер
Взойдут на берега гранит,
Над всей Россией
Невский ветер
Упрямой песней зазвенит.

Матросы крейсера «Аврора»,
Они пройдут,
Чеканя шаг,
И ярче, чище вспыхнут зори
На всех

пяти
материках!

Сквозь все военные парады,
Как самый первый наш парад,
Они пройдут
Не славы ради
Из Петрограда в Ленинград.

Штыки, горящие тревогой,
И взгляды,
Полные тепла.
Они шагали той дорогой,
Которой Родина прошла.

И в перекрестье тысяч взоров,
Под звездный,
Праздничный салют
Матросы крейсера «Аврора»
По Красной площади пройдут.

ПРОСЫПАЕТСЯ ГОРОД

А в садах уже бродит лето,
А сады, как в дымке,
В цвету.
Материнские руки рассвета
Солнце утреннее несут.

Солнце нынче
Такое майское,
Тянет струны лучей к земле.
И звенят они,
Как под пальцами,
Под верхушками тополей.

Вот уже просыпается город,
По-весеннему озорной.
Солнце. Ветер.
Веселый говор
Провожают меня к проходной.

Разгорается день.
Солнце плавится,
Все дела — ощутимей, острей...

А лучи звенят,
Как под пальцами,
Под верхушками тополей.

НА ФЕСТИВАЛЕ

Как по наклонной плоскости,
Ко взглядам безучастна,
Она плыла над площадью
Так призрачно-прозрачна.

И никуда не денешься —
Девятым страшным валом
Из Хиросимы девочка
Плыла над фестивалем.

А в тишине печали,
Под фестивальным небом,
О, как сердца звучали
Неугасимым гневом!

Отбрасывая ложность,
Бичуя безучастье,
Всплывал всей сутью лозунг:
За дружбу и за счастье!

Не обещаньем громким
Принять его дано —
Прикосновеньем робким
К девчужке в кимоно!

ОСВЕНЦИМ.
ВОЗЛЕ СТЕНЫ СМЕРТИ

Красные,
до крови, кирпичи.
Помолчи.
Лампочка
подобием свечи.
Помолчи.
Здесь в упор стреляли
палачи.
Помолчи.

За стеною —
неба глубина.
Тишина.
Но в контрасте:
тишина — война.
Суть войны
обнажена так страшно.
Знавшим ту войну
и нам, не знавшим,
суть войны
пронзительно ясна!

Будто кто-то сдернул покрывало,
и...
в прицельных,
ищущих кружках,
Мама!
Ты у той стены стояла,
с малышом —
со мною! —
на руках.
Показалось?

Ну, а тот, полковник,
офицерский галстук
тербя,
в укрупненных кадрах
фотохроник
видит узником концлагеря себя.

Красные,
до крови, кирпичи.
Помолчи.
Лампочка
подобием свечи.
Помолчи.
Здесь в упор стреляли
палачи.
Помолчи.

Упошу я,
как осколок в сердце,
отзвук тех,
истерзанных
и напоминанье, что ^{годин}Освенцим —
не один на свете,
не один!

Память!
Ты предательски не меркни
в дни борьбы,
работы
и торжеств.
На одном квадратном километре
здесь четыре миллиона жертв.
...А на фото:
к телу — тело,
к телу — тело,—
Сколько видно,

вбиты в бурый наст.
И пустых глазниц
немые жерла
навсегда
в упор глядят на нас.

Красные,
до крови, кирпичи...

НА СБОРАХ

Опять уезжаем,
зови нас, простор,
туда, где мужают,—
на лагерный сбор.

О полдень приморья!
Лучи всё острее.
Берет нас измором
степной суховей.

И хуже трясины
сыпучий песок.
Так что ж, не осилим
свой первый бросок?

И снова движенье,
пылят сапоги.
Но нету равненья,
труднее шаги.

Устал запевала,
и голос — не тот.
Как пройдено мало.
Как долго — вперед!

И вдруг наплывает,
как яростный зvon:
в степи наступает
лихой эскадрон...

В сердцах и в петлицах
бушует пожар.

Знакомые лица,
седой комиссар.

Как снежные хлопья,
слова на лету:
«Ви бачите, хлопці,
ось ту висоту?»

Вже наших багато
убитих лежить...»
Мы поняли, батя,
нам надо спешить.

Каленые камни,
каленный закат.
Но мчит перед нами
призывный отряд.

...Каленые лица,
в безмолвье уста.
Лишь сердце стучится:
взя-

та

вы-

со-

та!

И, как из кресала,
со взмахом руки
слова комиссара:
«Спасибі, синки!»

КАЛМЫЦКИЕ СТЕПИ

Подтаявшая ночь!
Отдай свои владенья
Напористому дню
И с неба песней хлынь!
И царствуют в степях
Два маленьких растенья —
Тюльпаны и полынь,
Тюльпаны и полынь!

Природа ль так мудра?
А может, совпадение?
Цветами обожгись,
В густой траве остынь.
Как радость и печаль —
Два маленьких растенья, —
Два полюса степей —
Тюльпаны и полынь.

Цени огонь любви,
Согрейся словом друга,
Но как тепло ценить,
Не испытавши стынь?
И нет пути к весне,
Как через пламя вьюги, —
Тюльпаны и полынь,
Тюльпаны и полынь.

Когда навстречу нам
Несли цветы калмычки, —
Торжественный рубин,
Таинственный агат, —

Благоуханье нас
Пьянило с непривычки.
Тюльпаны и полынь,
Как сладок аромат!

А как прощались мы,
Я помню и поныне:
Тюльпановый букет
Поник

и невпопад
Ударил мне в лицо
Дыханием полыни.
Тюльпаны и полынь,
Как горек аромат!

Природа ль так мудра?
А может, совпаденье?
Цветами обожгись,
В густой траве остынь.
Как радость и печаль —
Два маленьких растенья, —
Два полюса степей —
Тюльпаны и полынь.

ЭХО

*Посвящается славному сыну
калмыцкого народа Герою Со-
ветского Союза, комсомольцу
Эрдни Деликову*

1

Он первым пошел в атаку
За Дон,
За родную степь.
Летели в него снаряды,
Как метеоритный дождь.

Упал. Но не боль пронзила,
Тревога пронзила его,
Что дальше уже не сможет
Солдат повести на врага.

Глотая горячий воздух,
Он снова пытался встать.
И крикнул:
«Ну где же вы, ноги!»
Но не было больше ног.

А руки уже сжимали
Ружья броневой стали.
Застыл бесполезной громадой
Подбитый фашистский танк.

Теряя, теряя силы,
Он помнил — сержант Эрдни,

Что каждый прицельный выстрел
Победе необходим.

Уже костенели пальцы,
Уже потускнели глаза,
Но он еще мог сквозь грохот
Товарищам прокричать:

«Наши не отступают!
Вперед, ребята, вперед!»
Он еще мог услышать,
В ответ катилось «ура-а-а!..»

И стал переломом боя
Тот шепот,
Слетавший с губ:
«Наши не отступают!
Вперед, ребята, вперед!..»

2

Эхо не затихает
В гуле
Мирных забот:
Наши не отступают!
Вперед, ребята, вперед!

Сосновый бор,
в степи — сосновый бор,
любовно выращенный возле Запорожья.
То снегом он,
то солнцем запорошен,
ведет с ветрами долгий разговор.

Лишь выглянет
над Лысою горой
край жаркого оранжевого диска,
сюда машины,
велосипедисты
спешат воскресной ласковой порой.

Опавшей хвои ароматный наст
отчетливо пружинит
под ногами.

«Морзянка» дятла
в общем птичьем гаме
приветствием доносится до нас.

Вот белка —
вся в заботах о зиме.
Грибной сезон —
и надо торопиться.
А иногда
мелькнет в кустах лисица,
как будто спичка вспыхнет в полутьме.

Грибы,
тропинки,
песня вдалеке...

И день устал,
и вечер так приятен.
Качаясь,
наш костер похож на бакен.
Поляна —
точно отмель на реке.

Но звук мотора
бьется в тишине.
И в свете фар
я вижу, уезжая:
всё машет ветка, будто провожая...
Всё машет ветка,
но уже во сне.

* * *

Есть у августа ночи
С тишиною, не тронутой ветром,
Когда медленно зреет
Рассвета горячий бутон.
Есть у августа ночи,
Когда робкие листья березы
От луны зажигаются белым
Тревожным огнем.

В эти ночи так часто
Срываются тихие звезды
И летят с небосклона
В примятую за день траву.
И холодные росы
Выступают, как капельки пота
На горячих телах,
На безумно уставших телах.

Путеводные наши,
Любимые сильные звезды!
Как им трудно на небе,
Как их мышцы багрово горят!
Как им нужно однажды,
В миллиарды веков, хоть однажды! —
В эти тихие росы,
В эти спелые росы упасть...

ИЗ КИНОХРОНИКИ ДНЕПРОСТРОЯ-1

Не под назойливые всхлипы
патефона,—
под звои металла,
камня перестук
они танцуют
 в месиве бетона,
сбравшись в круг.

В той музыке большой
уже вся стройка тонет.
И крепче,
чем днепровских скал гранит,
трамбовщики бетона,
танцовщики бетона
куют плотины вечный монолит.

Смолистая опалубка рядами,
танцуют парни —
кепки набекрень.
Танцуют — первые,
кто возводил фундамент,
где прочно станет
наш грядущий день.

Танцуют парни
строго, не картинно,
чтоб навсегда,
во времени любом,
чтоб даже, если —
ярьсть бомб,
в бессмертье был нацелен
лук плотины.

...Шагаю я по ней,
цветут огней бутоны...
Но ухо приложив
к шершавости стены,
я слышу, как танцуют
трамбовщики бетона.
Бетон, как песнь,
торжественно звенит.

Строители-отцы!
Я слышу, как вы жили:
дела великие
и честные слова.
И вашей музыкой
звучат стальные жилы
могучих тросов
Днепростроя-два.

ВАШИ ТРИ ДНЕПРОГЭСА

*Павлу Степановичу Боброву —
слесарю-монтажнику, строите-
лю Днепровской гидроэлектро-
станции имени В. И. Ленина
1929—1944—1977 годов*

Вот они перед вами —
такие родные,
то родство выдает
ваш отеческий взгляд.
Не на блоки бетона,
не на мачты стальные,—
так на лица родные глядят.

Самый старший из них —
это ваше начало.
Это — символ истории
памятных лет.
В день рожденья его
вам в райкоме вручали,
как награду за труд,
комсомольский билет.

А когда на земле
извергались вулканы
и хлестали не лавой,
а кровью людской,
вы лечили плотинные
тяжкие раны,
тем и собственным ранам
давая покой.

Воскресал
из обломков бесформенной груди
ваш второй ДнепрогЭС,
всем смертям вопреки.
И своей богатырской
бетонною грудью
снова сдерживал натиск
великой реки.

...А потом комсомольцы
других поколений
вас призвали к себе
в атакующий строй.
Через годы, как стройки,
через годы свершений
ветерана

встречал

Днепрострой.

Как закончилась речи,
надели спецовку —
и от глаз молодых
вам волнения не скрыть.
С нами ваша любовь,
с нами ваша сноровка —
значит станции быть.
новой станции быть!

После смены у хлопцев
из вашей бригады
на плотине сыновний
задержится взгляд...

Не на блоки бетона,
не на сталь эстакады,
так
на лица родные глядят.

Краски лета растрчены.
Только ты не вини
Эти льдисто-прозрачные,
Родниковые дни.

Время не многословия,
Всё крикливое — чушь.
И какая-то новая
Обозначенность чувств.

Этим строгим значением
День наполнен любой.
Что весной — увлечение,
То под осень — любовь.

И судьбы повороты
Нам теперь — не беда.
Если нынче со мной ты,
То уже навсегда.

А лучи — словно спицы,
Тает солнца клубок...
Воздух парка искрится,
Чист и глубок.

ВИРАЖИ

Мотокросс!
И земли кружение:
Вирази, вирази, вирази.
Вздуты вены от напряжения.
Перегретый мотор дрожит!

От порыва стремительной стаи
Слой дорожки колесами сбрит.
Космонавтами парни летают
По кругам стадионных орбит.

А когда приближается финиш --
Всем доступная высота,
Кинолентой трудного фильма
Дрогнет финишная черта.

Я хочу,
Чтоб в стихах моих тоже
Был бы круче вираж.
Я хочу
На парней этих быть похожим,
Но не как-нибудь,
Не чуть-чуть.

Не хочу,
Чтоб слова привыкли
Ко всему прикасаться слегка.
А неслись чтоб слова
Мотоциклами,
Покоряя вираж стиха.

НА ПЕРРОНЕ

Женщина стояла на перроне,
И, как рельсов
Огненная сталь,
Долгий взгляд ее из-под ладони
Рассекал разбуженную даль.

Было всё так буднично и свято.
Не костры горели —
Облака...
Я подумал:
Может быть, солдата
Женщина ждала издалека?

Не опустит женщина ресницы,
Глаз своих не выплачет до дна.
Ведь солдатам мертвым
Ночью снится
Вот такая — ждущая — она!

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

Среди журналов и газет,
Не без авторитета,
Который год
Выходит в свет
Моя газета.

Не знаменита и скромна.
Но в ней другое важно:
Чернорабочая она —
Много-
тиражка.

Увидишь сразу,
Лишь взгляни
(Вот — главная примета!),
Как нервы строк
обнажены
Моей газеты.

Она поймет и даст совет,
Потребуется ответа!

А в чем же все-таки
секрет
Моей газеты?

Да разве может быть иной
Газета, у которой
Конструктор,
токарь,
горновой —
Ведущие спецкоры!

...А дни грохочут впопыхах,
Но нет,
Не канут в лету.
Они в делах,
Они в строках
Моей газеты.

НАТЮРМОРТ С ЖЕЛТЫМИ ЛИСТЬЯМИ

Мерцает гладь притихшего залива,
И над щетиной скошенных полей
Туманы исчезают торопливо
Под шелест крыльев грустных журавлей.

А ветер небо гулкое шатает,
И солнце всё упрямее встает...
Ведь это просто
Мир наш завершает
Свой будничный земной круговорот.

Всё повторится,
Снова повторится,
Хоть желтый лист безвестно догорит...

И осени дрожащие ресницы
В холодном свете
Тлеющей зари.

РОЩА

А ты идешь по роще онемелой,
Где вечер оставляет, как посты,
Прощальные, такие неумелые,
Осенние костры,
Осенние костры.

Над ними что-то стройное, белесое,
И кажется тебе из полутьмы:
Уходят вверх упругими березами
Осенние думы,
Осенние думы.

Не медлит сумрак принести тревогу.
А мысли
Так растерянно-просты:
Ну вот, и догорают понемногу
Осенние костры,
Осенние костры.

В скупой росе,
В слепой своей печали
Ладони исцарапал о кусты...
А может, просто мы чуть-чуть устали,
Осенние костры,
Усталые костры?

А ты идешь по роще онемелой,
Где вечер оставляет, как посты,
Прощальные,
Такие неумелые,
Осенние костры,
Осенние костры...

Ни насмешек,
 Ни лести,
 Ни сладенькой лжи
 Не хочу! Ненавижу и не принимаю.
 Друг мой!
 Если ты есть,
 Подойди и скажи:
 Я тебя понимаю,
 Я тебя понимаю.

Этой фразы короткой
 Так недостает!
 Без нее так не спится
 Глухими почками.
 А она — как спасательный самолет —
 Не заметит беды,
 Пронесется над нами.

Вот соседский пацан
 Хочет слышать совет,
 Проводить ли до дома
 Знакомую, Маю,
 Если там,
 На обратной дороге, — кастет.
 Он, конечно, пойдет,
 Я его понимаю.

Вот героя погибшего мать.
 Вещи сына в музей
 Попросила опять телеграмма.
 Ну, а как ей отдать,
 Ну, хоть что-то из дому отдать?

Возвратится сынок —
Понимаю вас, мама.

Я тебя понимаю,
Седой инженер!
В твоих выводах дерзких
Неточное что-то.
Но идея твоя —
Как болезненный нерв,
Что пронзает не болью,
А жаждой работы.

Это частности всё.
Но болит голова!
Сколько честных людей
Гнет сомнения ноша!
Если б слышать всегда
Пониманья слова,
Было б больше открытий
И подвигов больше.

С равнодушием нынче
Бои всё острей.
И, как знамя высокое,
Я поднимаю
Символ добрых людей,
Клятву честных друзей,
Эту нежную фразу:
Я тебя понимаю.

ТРИ ДНЯ

Любимая, вспомни,
Да было ли это?!
Опушка лесная,
Притихший ручей,
Притихшее лето,
Прощальное лето,
Внезапная смелость
Заветных речей.

Нас ночь ослепляла
Своим вдохновеньем.
Нам в будущность нашу
Так верилось днем.
Я чувствовал счастье
И в прикосновенье,
И взгляде твоём,
И в дыханье твоём.

Да было ли это?!
Восторг пробужденья,
И снова
Опушка лесная, и ты
Так славно спала,
Что боялись мгновенья
Скользнуть,
Не забыв
Родные черты.

Но блекнул костер,
И луна отцветала.
И плакал рассвет
На плече у меня.

Прощание наше
И наше начало
Сплетались в преддверье
Последнего дня.
О дней мимолетность —
Страничек беспечных,
Их ветер листает,
Их время сечет.
Так что ж это было:
Три дня
или вечность?
И в жизни моей
Это ль новый отсчет?

...А нас разлучает
Разбег автострады,
Уводят заботы
Ненужных проблем.
Царит вездесущая фраза:
«Так надо!»
И спит
Беспробудное слово
«Зачем?»

А что остается?
Недолгие встречи
И тот, исчезающий пыл...
Опушка лесная,
Заветные речи...
Да было ли это?
Забыл.

Мне теперь действительно не сладко:
 Друга нет,
 Любимая с другим.
 Только и осталось, что
 Тетрадка
 Самым верным спутником моим:

А недавно..
 Наплывают лица,
 Свет обильный,
 Щедрых слов елей.
 Говорить,
 шутить,
 за стол садиться —
 Так легко
 В кругу моих друзей.

Там, бывало, веселились звонко,
 Пели песни дружные,
 Но вдруг
 Чувствуешь, что кругом горизонта
 Станет этот очень тесный круг,

Что с тобой —
 Партнеры по застолью,
 А в беде — остаться одному,
 Будешь ты, как переكاتи-поле,
 К этому метаться
 И к тому.
 Но они, задорные, прямые,
 Не с тобой в беде или борьбе.

Бьются их сердца глухонемые
О своем покое,
О себе.

Мнят, что современные натуры!
Но во время их веселых встреч
О зарплатах да о гарнитурах
Самая почетнейшая речь.

Мне не сладко.
Впрочем, это — мнимо.
Ведь гораздо легче и ясней
Без друзей
И без кольца любимой,
Чем в кольце надуманных друзей!

...Вот и всё.
Край неба освещенней,
Звуки наполняют тишину...
А часы стучат всё учащенней,
Словно сердце,
Чуя новизну.

НА ОХОТЕ

Увижу стаю над прудом
предзимнюю,
и сердце дрогнет.
И грохнет выстрел,
точно гром,
по птицам — дробью.

Они летят издалека,
им не укрыться.
И по кровавым облакам
к ногам

сползает

птица.

Трепещет серое крыло,
как зов,
как оклик.
Куда, однако, повело
твой взгляд, охотник?

Лица застывшие черты...
Не скорбь ли в них узнаю?

Но нет,
высматриваешь ты
другую стаю.

ЭТЮД О ГОЛОСЕ

1

Помните его «Санта-Лючию»?
Так вот,
недалеко от набережной Санта-Лючия
величественно возлежат
останки Помпей...
О, как ощутимо сходство
погребенной под пеплом Помпей
и погребенного таланта певца!
Над прахом города,
над прахом голоса
 не властны
забвение и смерть.
И даже слова:
 прах, пепел —
не для них.
Великая Помпея
под своими крыльями бессмертья,
как мать, приютила
гибнущий голос...

2

Над Помпеей,
над Помпеей
в небе,
 ливнями грохочущими вымытом
(ах, зачем транзисторы включили?!),
голос Робертино снова вынырнул
удалую песенкой
 «Санта-Лючия».

Над Помпеей голос Робертино.

В извержениях вулканов
и прокуренных подвальчиков,
погребающих столицы с их талантами,
в ловком лассо
на холодной шее мальчика,
в ценах, зреющих кровавыми томатами,—

над Помпеей голос Робертино.

Не сирены знойные запели —
сын Помпеи
по судьбе трагически-хрестоматийной!
И ты понимаешь,
измученный старым мотивом,
как голос Лоретти
тождествен пеплу Помпеи.

3

Над планетой,
в радиорутине,
этот голос вянет,
как на стебельке надломленном
звезда.

И только над Помпеей
голос Робертино
не сорвется, не сфальшивит никогда.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ Ф. ГАРСИА ЛОРКИ

На антрацитовом лице ночи
Фонари — замерзшие слезинки.
На антрацитовом лице ночи
Ветки — как рваные шрамы.

А он кричит:
«УПАДИ, БЕЛЫЙ СНЕГ, УПАДИ!»

Над притихшей и зыбкой землей
Болезненно-желтые стружки рассвета.
Над притихшей и зыбкой землей
Небо нависло солдатской подошвой.

А он кричит:
«УПАДИ, БЕЛЫЙ СНЕГ, УПАДИ!»

Холодные ветры осени
Пронзают до самого сердца.
Пустые глаза безысходности
Упрямо сверлят затылок.

А он кричит:
«УПАДИ, БЕЛЫЙ СНЕГ, УПАДИ!»

Горе — безжалостная карусель,
Еще мгновенье — и сорвешься в бездну.
Осень. Черные листья.
Испания в трауре.

УПАДИ, БЕЛЫЙ СНЕГ, УПАДИ!..

СОЛЬФЕДЖИО

(Из Лины Костенко)

Опять из окон старого маэстро,
Галантно затворившего балкон,
Разносится на весь
Квартал окрестный
Фальшивый писк грядущих примадонн.

Терзают недоступную октаву.
Колоратура.
Опера.
Вокал.
Здесь ищут слух,
Но чаще ищут славу.
Привык маэстро, долго привыкал.

Они приходят, опуская веки:
К услугам вашим...
Слышала давно...

Но, боже мой, ведь есть библиотеки,
Театры, спорт, в конце концов, кино.

Но все пищат.
Но все они — сопрано.
И если петь, так только Баттерфляй.
Он говорит: «Потом.
Пока что рано!»
И так пищат, хоть уши закрывай.

Он скорбно ищет голоса истоки
И за урок чернеет, как земля.
А впрочем, славно
Платят за уроки

Он — репетитор.
Репетитор!
Ля!

Важнее мода, а не вдохновенье!
Дрожит от злости старая струна.
Маэстро! А бывают исключения?
На сто — одна.
На тысячу — одна.

Что вы сказали? «Тоска?» Тоська?
Да, Пуччини.
Анда? Нет. Мученья. Люминал.
Вам не дано!
Что объяснять? Причины?
В кордебалет. В статисты! В персонал!!

Балкона дверь опять ударит глухо.
Но выдает предательски окно.
О, боже мой, ни голоса, ни слуха...

Ля, ля! Не си, а ля! А, всё равно!

**У ПАМЯТНИКА
БОГДАНУ ХМЕЛЬНИЦКОМУ**

Молодым рассветом растревожен,
От забвенья вечного вдали,
Он стоит
Как будто на стороже
Той курганной хортицкой земли.

Где-то кони яро бьют о камень
Да ржавеют сабли в сон-траве.
Бронза
Неостывшими веками
Буйствует в пудовой булаве.

Любовь придет,
Она близка,
Ты только не испугни.
В руке задержится рука, —
Запомни эти дни.

И нет ни жизни, ни судьбы,
Когда разлучены.
Не отлюби,
Не отлюби,—
Запомни эти дни.

Жоть сотню жизней проживи,
Не будет и сродни
Второй такой,
Второй любви,—
Запомни эти дни.

И коль поссорит нас беда,
Ты не перечеркни
Всё до последнего следа,
Все наши «да»,
Все наши «да»...

Запомни эти дни.

Цветут, цветут акации,
И ночь бела опять.
Ты только не отказывайся—
Пойдем зарю встречать.

Пока рассвет не ожил,
Пока кварталы спят,
Как меч — из душных ножен —
Акаций аромат.

Прости мои проказы,
Я сыплю теплый снег.
Люблю тебя в акациях,
В акациях твой смех.

Не требуй звезд в подарок
С полночной высоты,
У ног твоих — пожаром —
Акации цветы..

Как сладко обмануться в декабре.
Поверить оттепели слабой и короткой,
Ручью поверить
И по-детски кротко
Влюбиться в эту пору, в декабре.

И будто бы весной,
В декабре
Дарить цветы,
Не думать про метели.
И позабыть о том, что во дворе
Хоть малость, но
Фальшивит звон капли.

Махнуть за город с самого утра.
И вот, чего не замечал ты прежде:
Акаций вымерзших
Вздымается кора,
Как будто на груди одежда.

А впрочем,
Отчего же мы грустны?
Ведь пусть буран клокочет
Трижды клятый,
Ты — солнечный уже аккумулятор,
Заряженный энергией весны.

...Судьба,
Будь и ко мне мила!
И коль случатся затяжные зимы,
Пошли хоть горсть случайного тепла,
Пошли душе тепла непобедимость.

На город зима наступала,
Подкралась внезапно почти,
И холодом колких кристаллов
Метели в атаку пошли.

На главный проспект врывается.
Атаки белое пение.
Деревьев ряды защищаются,
Как могут, от наступления.

Зимы серебристые фланги
Сомкнулись.
И кажется мне:
Все крыши — как белые флаги...
И город сдается зиме.

В горах не существует тишины,
Когда вершины в сон погружены.
Прищур луны и ветра дуновенье —
Во всем ты ощущаешь напряжение.

В горах не существует тишины,
Когда рассвета стружки зажжены,
А из-за гор неимоверно круто
Взлетает солнце, как из катапульты.

В горах не существует тишины,
Ночей спокойных, сладенькой луны,
А если существует, то не боле
Затишья трудного, как будто перед боем,

Но никогда не будет тишины.

А. Ковтуну

Зал рукоплещет до изнеможенья.
Ну, кто сейчас
Представит хоть на миг,
Что этот мастер перевоплощенья
Четыре раза срезался во ВГИК?!

Его чуть-чуть качает от успеха,
Но о себе он скажет напрямик:
Пока что — слесарь
Сборочного цеха,
А летом будет поступать во ВГИК.

Отнюдь не идиллической природы,
Он все-таки мечтает
С давних пор
О том, что в их
Районный Дом культуры
Заедет вдруг известный режиссер.

Заедет накануне представленья,
Отрнув от своих больших забот.
А после,
Не скрывая восхищенья,
Он к нашему герою подойдет.

Он скажет:
«Вот вам адрес. Приезжайте!
Да где же вы скрывались

До сих пор?!»
И в местной прессе
Их рукопожатье
Увековечит ловкий фотокор.

...Зал рукоплещет до изнеможенья.
Ну, кто сейчас
Представит хоть на миг,
Что этот мастер перевоплощенья
Четыре раза срезался во ВГИК?!

Еще не видно ни морщин,
Ни плечи.
Всё так же лих
И на́ слово остер.

За ролью роль.
Галерка рукоплещет...

Да только вот
Не едет режиссер.

ВЕСНА

Расгаяло небо серое
до голубой глубины.
И стрелкою компаса —
к северу
в нем стан устремлены.

СХВАТКА

Ударил гонг,
Как гром июля.
Распятый ринг.
Боксеры, в бой!
Одни величествен, как буря,
Совсем неопытен другой.

А ринг качается коварно,
А ринг,
Как палуба в штормах.
Здесь все равны,
Здесь каждый главный.
Здесь удержаться б на ногах,

Бросает вниз ударов бремя,
И за борт смыть
Грозит волна.
На ринге — я,
Соперник — время.

Но зал болеет за меня.

* * *

Мы шли по белой целине,
Продавливая снег.
И стало вдруг приятно мне,
Что четко ставлю след.

И я сказал своим друзьям,
Что в жизни — в этом суть —
Пусть след мой будет также прям,
Каким бы не был путь.

Прошла зима,
Ушли года.
Волос примятый снег...
Как я — не знаю,
Жизнь, вот, да! —
Оставила свой след.

* * *

Не знаю,
Может быть, и легче
Без тягот черного труда,
Но видел я:
Ржавеют рельсы,
Когда не ходят поезда.

Но видел я:
В грозу весною
Они — почти металлолом —
Дрожали тонкою струною,
Когда катился стороною,
Как поезд,
Отдаленный гром.

СОДЕРЖАНИЕ

Родник	3
Яблонька-гагарника	4
Март в Запорожье	7
Конница	8
Матросы крейсера «Аврора»	9
Просыпается город	11
На фестивале	12
Освенцим. Возле стены смерти	13
На сборах	16
Калмыцкие степи	18
Эхо	20
«Сосновый бор...»	22
«Есть у августа почи...»	24
Из кинохроники Днепростроя-I	25
Ваши три Днепрогэса	27
«Краски лета растрачены...»	29
Виражи	30
«Корабли уходят от причалов...»	31
На перроне	32
Рабочая газета	33
Натюрморт с желтыми листьями	35
Роца	36
«Ни насмешек, ни лестя...»	37
Три дня	39
«Мне теперь действительно не сладко...»	41
На охоте	43
Этюд о голосе	44
Последняя осень Ф. Гарсиа Лорки	46
Сольфеджио (Из Лиры Костенко)	47
У памятника Богдану Хмельницкому	49
«Любовь придет...»	50

«Цветут, цветут акации...»	51
«Как сладко обмануться в декабре»	52
«На город зима наступала...»	53
«В горах не существует тишины...»	54
«Зал рукоплещет до изнеможенья»	55
Весна	57
Схватка	58
«Мы шли по белой целине...»	59
«Не знаю, может быть...»	60

**Павел Борисович
Баулин**

**РОДНИКОВЫЕ
ДНИ**

С т и х и

Редактор *В. И. Мищенко*. Художник
Н. А. Мамина. Художественный редактор
В. И. Хворост. Технический редактор
В. С. Зрелая. Корректор *А. Ф. Мевшина*.

Информ. бланк № 890

Сдано в набор 16.10.79. Подписано в печать 28.12.79. БТ 61699. Формат 60×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 2. Уч.-изд. л. 1,94. Тираж 5000 экз. Зак. № 331. Цена 25 к.

Издательство «Промінь», 320070, Днепропетровск-70, просп. К. Маркса, 60.

Областная книжная типография Днепропетровского областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 320091, Днепропетровск-91, ул. Горького, 20.

Баулин П.
Б29 Родниковые дни: Стихи /Худож.
Н. Мамина.— Днепропетровск: Про-
міль, 1980.— 62 с.

Первая книга стихов запорожского поэта посвящена романтике поиска молодым современником активной жизненной позиции, своей «линии огня». Характерные созидатели сегодняшнего дня присущи беззаветная преданность идеалам отцов, взволнованная влюбленность в просторы родной земли, готовность посвятить себя борьбе за торжество лучших человеческих устремлений.

Б 70402-008 42-80 4702010200
М219(04)-80

Р2

Павел Борисович Баулин родился в 1949 году в городе Горьком. В 1971 году окончил Запорожский машиностроительный институт имени В. Я. Чубаря.

Работает преподавателем в профтехучилище № 32 города Запорожья.

Стихи печатались в коллективных сборниках и периодике.

П. Баулин — заместитель председателя областного литературного объединения имени Михаила Гайдабуря.